

ПРИНЦИП «ШЕСТОВИЗАЦИИ» В СТАТЬЯХ Л. ШЕСТОВА О ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируется один из основополагающих принципов литературной критики Л. Шестова, связанный с его размышлениями о литературе. Акцентируется интерес критика к ценностным ориентирам русской литературы XIX века и творческой индивидуальности художника.

Ключевые слова: критика, русская литература, «шестовизация», художник.

У статті аналізується один із базових принципів літературної критики Л. Шестова, пов'язаний з його роздумами про літературу. Акцентовується зацікавленість критика ціннісними орієнтирами російської літератури XIX століття та творчої індивідуальності художника.

Ключові слова: критика, російська література, «шестовізація», митець.

This article examines one of the basic principles of literary criticism of L. Shestov, associated with his reflections of the literature. Attention is on interest to the criticism of value orientations of Russian Literature of XIX century and the creator personality.

Key words: criticism, russian literature, «shestovizatsiya», creator.

Постановка проблемы.

В современном литературоведении усилился интерес к проблемам истории и теории литературной критики. В этом плане наиболее значимы исследования украинских, российских, польских и англоязычных исследователей (Р. Громяка, Н. Кочетовой, М. Наенко, Н. Раковской, С. Яковенко; В. Лашова; А. Валицкого; А. Орро). Особый интерес вызывает литературная критика конца XIX — начала XX вв. Что касается Л. Шестова, к его наследию обращаются в основном философы, культурологи. Представляется односторонней точка зрения, согласно которой интерес Л. Шестова к литературе обусловлен только его общефилософской концепцией. Художественность русской литературы XIX века в контексте поисков критика ещё не стала предметом литературоведческих исследований.

Целью нашей работы является осмысление принципов литературной критики Л. Шестова, в частности, ведущего прин-

ципа «шестовизации», позволяющего определить интерес Л. Шестова к литературе и конкретным художникам.

К наследию русских писателей Л. Шестов обращается в связи с рядом интересующих его тем: неустойчивости бытия; «падения» человека под властью теорий, идей, норм, правил; свободы индивидуального существования и др. Именно эти темы ввели в область литературно-эстетических поисков Л. Шестова таких писателей, как А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др. Л. Шестов писал: «...русская философская мысль, такая глубокая и такая своеобразная, получила своё выражение именно в художественной литературе. Никто в России так свободно и властно не думал, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой... и даже Чехов...» [11, 45]. А. А. Слюсарь отмечал, что с творчеством А. Пушкина связано развитие понятия «художественность» [8].

Лейтмотивом в работах Л. Шестова является идея о неповторимости творческой индивидуальности художника. В связи с этим любопытны размышления Л. Шестова о «предпоследних словах» Г. Ибсена: «Я не борюсь за беззаботное существование, я борюсь за свою жизненную задачу, в которую верю и которую, я знаю, Бог возложил на меня» [10, 106]. Критик полагает, что вся жизнь проходит в таких иллюзорных убеждениях, но они необходимы человеку, так как «без них...невозможна борьба и те жертвы, ценой которых покупаются великие дела» [11, 176]. Художнику необходим самообман, чтобы не погибнуть от одиночества при осознании мысли о непостижимости вечной, единой истины. Л. Шестов анализирует последнюю драму Г. Ибсена «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» как перечеркивающую всё, созданное драматургом ранее и возносящую *жизнь* на вершину смысла существования человека. Персонаж драмы скульптор Рубек говорит: «...разве жизнь, озарённая светом солнца, сиянием красоты, не лучше, не дороже, чем эта вечная возня... с глиной и камнем...» [10, 451]. Только «на вершине горы» (перед смертью) Рубек пробуждается и видит непоправимое — ушедшую безвозвратно жизнь, молодость. Снежная стихия поглощает его и его возлюбленную Ирену, словно даря *освобождение, но не возврат* к прошлому. Г. Ибсен

полагает, что «с годами все иллюзии рассеиваются». Художник понимает (или ощущает) свои ошибки, появляется сожаление о зря прожитой жизни. Но нет возможности изменить прошедшее, как нет возможности познать непознаваемое. Остаётся один выход перед бездной иного мира — преодолеть головокружение, освободиться, сбросить с себя всё, нанесённое «узаконенной» жизнью, пусть даже отказавшись от жизненного пути... В русской литературе Л. Шестов в подтверждение своей идеи опирается на «Стихотворения в прозе» И. Тургенева, в которых звучит тоска «о жизни... ушедшей на проповедь «добра». «Предпоследние слова» И. Тургенева возникают на грани жизни и смерти, когда раскрывается внутреннее Я художника, приближая его к истине.

С точки зрения Л. Шестова, писатель способен ощутить в многообразии человеческих душ некую закономерность и представить её в тексте. Писатель — это человек, не только говорящий о «болезни», но лечащий её, то есть создатель, творец.

Таким образом, Л. Шестов отмечает процесс *«перетекания» жизни в творчество*, причём данный процесс носит двусторонний характер. В душе писателя, с точки зрения критика, происходит диалог двух авторов — биографического и небιοграфического, в результате которого и *создаётся* текст. Как видим, значимым при анализе статей Л. Шестова о литературе становится принцип, связанный с осознанием художника в литературе как центра мироздания, бытия.

Укажем, что В. Изер в работе «Чем является антропология литературы» отмечает особую значимость культуры, которая, прежде всего, определяет онтологическую сущность человека. Литературоведы в свою очередь связывают модель человека и мира с определённым типом литературы, развивающейся от эпохи Средневековья до Нового времени. Американский славист Клиффорд Гирц указывает, что «без культуры не было бы людей, потому что любой человек — артефакт культуры» [4, 300]. Л. Шестов является центральной фигурой экзистенциального мировосприятия конца XIX — начала XX вв. Обладающий парадоксальностью сознания, противопоставивший «разумное» — «интуитивному», Л. Шестов стремился к пони-

манию мира как универсума, поэтому осмысление художника в системе культура — литература шло, прежде всего, через авторское сознание, интуицию, трансцендентное. Об этом свидетельствуют его работы «Предпоследние слова», «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)», «Афины и Иерусалим». С точки зрения Л. Шестова, для художника порогового, кризисного сознания необходим центр, некая точка опоры, в которой можно отыскать себя самого, свой внутренний генетический опыт и опыт, приобретенный посредством знания и веры. Справедлива мысль ряда польских учёных, в частности А. Валицкого, о том, что одним из принципов Л. Шестова является восприятие художника сквозь призму религиозно-философского сознания, ибо «предметом-субъектом литературной антропологии есть универсальный человек, человек вообще» [4, 305]. Более того, заметим: Л. Шестов полагал, что истина человеческой индивидуальности находится не в вечных законах и правилах, а в случайном, единичном. На такую точку зрения его натолкнул С. Кьеркегор, создавший свою экзистенциальную философию. В связи с мировосприятием Л. Шестова человеку свойственен парадокс ума, которому можно противопоставить только веру. Вера ведёт к свободе, но эта свобода не является свободой выбора. Человек, который вкусил от древа знания «может осознать греховность и вред этого блюда, но он не обладает свободой выбирать плоды древа жизни» [10, 101]. Человеку не дано решить, откажется ли он от знания в пользу веры в будущем. Л. Шестов так же, как и Ф. Ницше, подвергал всё сомнению, в том числе знание. С точки зрения критика, доступ к вере даётся откровением. Парадоксы знания и веры у Л. Шестова связаны с парадоксом этики в целом, о которой в статье о С. Кьеркегоре он скажет: «...парадокс в этике рождается вместе с разумом» [10, 105]. В итоге ментальные парадоксы, переплетаясь между собой, образуют в критической рефлексии Л. Шестова целую сеть противоречий, проявляющуюся во многих его работах.

Исследователи отмечают, что критику свойственен адогматичный способ мышления. Это находит своё отражение в насыщенности текстов Л. Шестова парадоксами; свою цель

критик определяет как достижение «апофеоза беспочвенности», то есть разрушение веками сложившихся истин, законов, стереотипов. С. Поляков назвал Л. Шестова «певцом «беспочвенности» [4, 40]. Данная особенность мышления возникает из уже отмеченного кризиса сознания и рубежности эпохи: «В начале XX века... присутствует весь спектр «исходов» беспочвенности» [4, 39]. Видимо, потому Николай Бердяев писал о Л. Шестове: «Он искал Бога, искал **освобождения** (выделено здесь и далее нами. — *Е. Б.*) человека от **власти необходимости**. И это было его личной проблемой... Он был потрясён властью необходимости над человеческой жизнью, которая порождает ужасы жизни...» [3, 211]. Здесь уместно сказать об отмеченном А. Камю отличии концепции Л. Шестова от концепции абсурдистов: «Для Шестова разум — тщета, но есть и нечто сверх разума, для абсурдного ума разум тоже тщетен, но нет ничего сверх разума» [4, 332]. Однако заметим, что нечто высшее для Л. Шестова — Бог.

Л. Шестов подвергает сомнению цивилизацию (внешнюю и *необходимую* её часть), методы познания которой иногда вводят художника в замкнутый круг, из которого невозможно выйти, не отказавшись от всего, что ранее было навязано *человечеству*. Художник ощущает себя точкой лишь «своего» времени, он не способен осознать себя частью бесконечности (важными составляющими которой являются прошлое и будущее). Подтверждением могут быть слова А. Камю «... [человек] соотносит себя со временем, занимает в нём место, признаёт, что находится в определённой точке графика...» [11, 235]. Прогресс создаёт новые нормы, законы, правила и подчиняет им человека, формируя новый тип сознания на каждом этапе своего утверждения. Сознание это зависимо, определено достижениями настоящего, но не обладает универсальной рефлексией, поэтому находится в одной точке, а не над ней.

В концепции русской литературы, созданной Л. Шестовым, «мир не удовлетворяет художника, и он начинает искать лучшего. Всякие же серьёзные искания приводят его на одинокие пути, а одинокие пути... кончаются китайской стеной, роковым образом полагающей предел человеческой пытливо-

сти» [10, 148]. Данная концепция формировалась в значительной степени под влиянием русской и европейской литературы (Ф. Достоевский, Г. Ибсен, А. Чехов). «Перед стеной», то есть перед тем, что человеку понять и познать не дано, каждый реализует себя по-разному: обращается «либо в бесконечно малую, либо в бесконечно большую величину» [10, 149]. Первое критик определяет как самоотречение, второе — как *mania grandiose* (лат. мания величия). У Л. Шестова художник способен на самореализацию только в бунте, в поиске, в попытке преодолеть «стену».

Русская литература стала для Л. Шестова материалом, подтверждавшим его взгляды на человека, мироздание, веру и Бога. *Принцип «шестовизации»* заключается в том, что Л. Шестов в произведениях и личных судьбах художников чувствует то, что созвучно его умонастроению, что важно в контексте волнующих его проблем. Скажем, фигура А. Пушкина стала одной из доминант сознания в русской философской критике. Несмотря на то, что творческому наследию писателя Л. Шестов не посвящал целостные работы, всё же А. Пушкин занимал серьёзное место в его литературно-эстетических поисках. А. Пушкин, с точки зрения критика, не философствовал, а жил и творил, не отрекаясь от самого себя, не жертвуя своей индивидуальностью. Это и стало тем главным, что интересовало Л. Шестова: «...В Пушкине...царственное, так редко встречающееся у людей доверие к жизни и любовь к мирозданию» [12, 39]. Опубликованная недавно в Нью-Йорке статья «А. С. Пушкин» [12] даёт возможность расширить представление Л. Шестова о художественности русской литературы, о месте и роли пушкинского наследия в литературном процессе.

Как видим, к А. Пушкину Л. Шестов относился как некой точке отсчёта, некоему началу глубокой традиции русской литературы, которая воплотится и раскроется в творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Выделим несколько тем, в связи с которыми Л. Шестов обращается к творческому наследию писателей: 1. Судьба писателя-человека. 2. Писатель как неповторимая индивидуальность. 3. Писатель как выразитель «болезни» времени.

4. Писатель как результат прикосновения «Божественного глагола». Данные темы отражают полиморфичность авторского сознания Л. Шестова, а, следовательно, многоплановость текста в его критическом наследии.

Заметим, что в принципах Л. Шестова отражён интерес к хронотопу художественных текстов писателей: человеческую душу Л. Шестов превращает в пространственно-временной образ (заявлен хронотоп чёрной бездны); земное и небесное время и пространство; пространство бесконечности, вечности; хронотоп трансформированной жизни, созданного критиком загробного мира; космос как источник зла и хаос как источник свободы. Л. Шестов «берёт» хронотопы отдельных текстов и органично внедряет их в свой текст, заставляя различные пространства и времена сталкиваться, взаимодействовать, приводя их в диалог, о котором говорил М. Бахтин. В конечном итоге, Л. Шестов расширяет хронотоп своего текста, но главное, что критику интересны лишь хронотопы «с трещиной» (перекрёстки (для Пилата разговор с Христом — это перекрёсток), дороги и др.). Интерес к кризисному состоянию художника, моменту выбора им пути непосредственно связан с экзистенциальным сознанием Л. Шестова. Пространство истории словно зеркально отразилось в текстах критика, сохранив при этом степень напряжённости, неопределённость посылок и парадоксальности умозаключений.

Выводы

Особый *метод «странствования по душам»* становится главным при анализе Л. Шестовым творчества того или иного писателя. Процесс «шестовизации» даёт возможность критику избегать историко-хронологического принципа, который, с его точки зрения, является поверхностным. Эпохи и времена, представители различных направлений в литературе, герои истории, библейские герои и герои произведений сталкиваются, взаимодействуют, образуя, таким образом, многогранный диалог. В дальнейшем данное исследование можно расширить, привлекая для анализа конкретные тексты русской литературы XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1986. — 359 с.
2. Bonnefoy Y. L'Obstination de Chestov / Y. Bonnefoy // The Lev Shestov Journal. — Glasgow, autumn 1997. — 35 p.
3. Вацуро В. Сквозь «умственные плотины» / В. Вацуро. — М.: Книга, 2001. — 235 с.
4. Кувакин В. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / В. Кувакин. — М.: Российское гуманистическое общество, 2005. — 349 с.
5. Лосский Н. История русской философии / Н. Лосский. — М.: Высш. шк., 1997. — 480 с.
6. Лотман Ю. Структура художественного текста / Ю. Лотман. — М.: Просвещение, 1970. — 425 с.
7. Oppo A. Shestov and Berdyaev: A comparison of two Russian Philosophers / A. Oppo // University of Toronto-Academic Electronic Journal. — Toronto, 2001. — 49 p.
8. Слюсарь А.: Мемория / Ред. кол. : Е. М. Черноиваненко, А. В. Александров, Н. М. Шляховая, В. Б. Мусий и др.; отв. ред. Н. М. Раковская. — Одесса: Астропринт, 2009. — 584 с.
9. Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В. Топоров. — М., 1995. — 624 с.
10. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. — М., 1905. — 155 с.
11. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л. Шестов. — М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 238 с.
12. Шестов Л. А. С. Пушкин / Л. Шестов // Воздушные пути. — Нью-Йорк, 1978. — № 1. — 41 с.